

ЙЕН

Управлять вертушкой оказывается сложно лишь поначалу. Внимательно вспоминая как это делал Карлос, всё же беру железную птичку под свой полный контроль. Поскольку гроза уже закончилась, ничто нам не мешало лететь на большой высоте, и не опасаться, что в винт может ударить молния. Почувствовав, что у меня начинают слипаться глаза, я начал разговаривать с Дианой. Болтали мы в основном о всякой ерунде, вроде любимой еды, способах её приготовления и прочей чепухе. Поначалу я даже пытался запоминать что мне говорит Диана, а затем поймал себя на мысли, что мне просто нравится её голос. Очень уж он у неё приятный и мелодичный. Либо же мне это только кажется из-за усталости.

Наконец-то удаётся вспомнить как звали мою первую девушку — Эллен. То ли в шутку, а то ли серьёзно, она периодически корила меня за то, что я слишком впечатлительный, и с этим срочно надо что-то делать. Похоже она была абсолютна права. Стоило мне всего раз переспать с Дианой, и я тут же принялся её чуть ли не идеализировать, хотя умом и понимал, что от идеала эта девушка очень далека. Хотя наверное не так сильно, как далёк от него я. Значит ли это, что мы идеально подходим друг для друга? Не знаю, но хотелось бы в это верить.

Остаток ночи пролетает буквально за мгновение, а уже с первыми лучами солнца я замечаю, что сидевшая позади Диана заснула. Глядя на неё, спать хочется и мне, и чтобы не заснуть, начинаю тихо насвистывать себе под нос мелодию, услышанную в детстве. Ближе к полудню замечаю под нами просторную долину с озером, и решаю совершить посадку. Место вроде бы спокойное, так что здесь вполне можно немного отдохнуть от перелёта, а заодно потренироваться во взлёте. Совершаю мягкую посадку метрах в сорока от озера, и слышу чуть взволнованный голос проснувшейся Дианы:

— Что случилось?

— Ничего. Всё нормально, — спешу заверить свою спутницу.

— Почему ты приземлился? Мы уже на месте?

Второй вопрос меня немного беспокоит, так как я понятия не имею как скоро мы доберёмся до «Эгиды». Более того, я даже не до конца уверен, что мы летим в нужную сторону.

— Хочу немного отдохнуть, а заодно и заправить вертолёт, — отвечаю лишь на первый вопрос, повернувшись лицом к Диане.

— А что, бак уже совсем пустой?

— Пока нет, но лучше сделать это заранее. Мало ли, вдруг потом такой возможности не будет. А тут и спокойно и просторно. Место практически идеальное.

Диана одобрительно кивает, соглашаясь с озвученными доводами, и передаёт мне канистру. Взяв её, открываю дверь, и вылезая из кабины. Диана тоже выходит на улицу, и смотрит на озеро.

— Раз уж тут и водоём под рукой, как ты смотришь на то, чтобы немного в нём поплескаться?
— неожиданно предлагает она.

— Это ты сейчас так тонко намекнула, что от меня воняет? — отвечаю вопросом на вопрос.

— Ненамного сильнее, чем от меня. Плескаться в воде или нет — твоё дело. Я, пожалуй, поплескаюсь. Раз есть такая возможность, почему бы ей не воспользоваться?

Сказав это, Диана быстрым шагом идёт к озеру. Я же смотрю ей вслед, и пытаюсь понять что это было. Она предложила мне просто ополоснуться, или же это был такой тонкий намёк, понятный большинству парней? Не могу отыскать ответ на этот вопрос, а потому чувствую себя тугодумом. Одно ясно наверняка — помыться мне следует в любом случае.

Желая отвлечься от неприятных мыслей, откручиваю крышку на канистре. Но пока заправляю вертолёт, мысли так никуда и не исчезают. Прошлой ночью хорошо были и мне и Диане. По крайней мере до того, момента, пока не появились троглодиты. Но что если это был наш первый и последний раз? Что если Диана занялась со мной сексом лишь для того, чтобы развеяться или забыться, либо вовсе из жалости, а я все неправильно понял, и успел что-то для себя напридумывать? Спросить её об этом напрямик как-то язык не поворачивается. Вчера бы спросил, а сейчас не могу. Когда отстреливался от троглодитов, и брал на себя управление вертолётom, я чувствовал, что мне под силу свернуть горы. Сейчас же я ощущал себя робким мальчишкой, не способным принимать хоть сколько-то важные решения.

Вернувшись после водных процедур, Диана снова предлагает мне последовать её примеру, и немного освежиться. На этот раз соглашаюсь, ставлю на землю пустую канистру, и ковыляю к озеру. Скинув обувь и сняв одежду, захожу в водоём по грудь, задерживаю дыхание, и ухожу с головой под воду. Вода в озере оказывается мутноватая и чуть тёплая, а дно — илистое, словно в болоте. Вынырнув обратно на поверхность, принимаюсь торопливо смывать с себя грязь, накопившуюся за последние дни, параллельно пытаюсь понять что делать дальше.

Эллен как-то говорила, что девчонки обожают решительных парней. Даже если они уродцы, дураки или уродливые дураки. Я тогда не воспринял её слова всерьёз, решив, что это она так шутит. Насколько Эллен тогда была права, судить не могу. Вполне возможно, мне действительно стоит проявить настойчивость, но при этом не переступить черту. Ведь от настойчивости до откровенного принуждения — всего один короткий шаг. А я не хочу, чтобы она видела во мне второго Пита или Карлоса. Диана и так немало натерпелась от этих уродов, и заслуживала лучшего. Другой вопрос, стоит ли считать лучшим вариантом меня — нерешительного калеку.

Мотаю головой, отгоняя последние сомнения, и выхожу из воды. Пару минут греюсь на солнце, вытираю корпус курткой, и начинаю одеваться. Вернувшись к вертолётu, вижу как Диана протирает стекло на одной из боковых дверей кабины. Девушка замечает меня, и продолжает заниматься своим делом. Зайдя ей за спину, даю волю рукам. Как только я кладу ладони ей на грудь, Диана роняет тряпку, которой протирала стекло, и замирает. Я же принимаюсь настойчиво сжимать её груди. Пока я это делаю, Диана не шевелится, и не издаёт ни звука, что несколько обескураживает. Она не протестует, и не просит меня остановиться, но не похоже, что мои действия доставляют ей удовольствие.

Понимаю, что что-то делаю не так, хочу было остановиться, но тут же себя одёргиваю. Нет, только ни в этот раз. Пойти на попятную и извиниться я всегда успею. Возможно, я всё же совершил ошибку, но пока она не зашла слишком далеко, и её можно исправить. С этой мыслью запускаю левую руку Диане под футболку, и принимаюсь ласковыми круговыми движениями поглаживать её живот. Вздох облегчения, сорвавшийся с её губ, даёт понять, что я на верном пути. Поплотнее прижавшись к Диане всем телом, касаюсь правой рукой её подбородка. Ласково и ненавязчиво поворачиваю голову девушки в сторону, приподнимаюсь на мысочках, и целую её в губы. Диана на мой поцелуй незамедлительно отвечает, и это ещё

больше меня подбадривает. Не успеваю оторваться от сочных губ, как моя рука, поглаживающая гладкий живот, начинает стремительно опускаться всё ниже и ниже, пока не оказывается у девушки в трусиках.

Отстранившись, замечаю, что дыхание Дианы участилось. Это хороший знак. Принимаюсь ласкать её грудь и лобок одновременно. Легонько сжав сосок, целую девушку в шею, и слышу тихий стон. Диане определённо нравится что я с ней делаю, и готов дать руку на отсечение, что она ожидает от меня большего. И я сделаю всё возможное, чтобы не обмануть её ожидания, но не сразу, а чуть позже. И всё бы ничего, да только больная нога вновь напоминает о себе. Почувствовав неприятное покалывание, начинаю опасаться, что могу всё испортить.

Чтобы этого не случилось, открываю боковую дверцу в салон вертолёта, и усаживаю Диану на край. Не спрашивая разрешения, решительно стаскиваю с неё футболку, и откидываю в траву, затем спускаю с девушки штаны вместе с трусиками. Взяв Диану за руку, кладу её ладонь ей же на грудь, после чего наклоняюсь, и опускаюсь на здоровое колено. Развожу стройные ноги в стороны, поднимаю голову, и перехватываю взгляд Дианы. Ничего ей не говорю, но девушка понимает меня без слов, и принимается поглаживать свою грудь. Я же незамедлительно ввожу в неё два пальца, и принимаюсь водить ими вперёд-назад.

Пока разрабатываю и без того просторную дырочку, вновь вспоминаю Эллен. Она как-то говорила, что у девушек бывают разные вкусы. Кто-то любит секс помягче, а кто-то пожёстче, и многое другое. Но есть одна вещь, от которой без ума все без исключения девчонки. Насколько она была тогда права, я не знаю. Просто потому что не успел проверить. Но теперь у меня такая возможность есть. Пока Диана неторопливо играет со своей грудью, вытаскиваю пальцы из её щёлочки, и наклоняю голову вперёд. Наблюдая за реакцией девушки, замечаю в её взгляде изумление. Похоже, она не верит, что я сделаю это. Напрасно. Неторопливо провожу языком по её лобку снизу вверх, и наоборот, после чего целую в половые губы. Услышав сдавленный стон, кладу ладонь Диане на живот, и начинаю его поглаживать, не забывая параллельно работать языком. Сначала просто облизываю окрестности, затем пытаюсь проникнуть языком в щель как можно глубже. Всё это сопровождается всё более громкими одобрительными стонами. Увеличиваю темп как для руки, так и для языка. Теперь Диана не просто стонет, а чуть ли не кричит во весь голос. Затем она вздрагивает, и начинает дёргаться, словно выброшенная на сушу рыба, чуть не заехав мне коленом по лицу. Вместо того чтобы просто снизить темп, предпочитаю «перестроиться». Подарив её нижним губам прощальный поцелуй, начинаю продвигаться выше, целую сначала упругий живот, а затем и сочную грудь. Посасывая правый сосок, словно голодный младенец, а затем и левый, затыкаю дырочку Дианы тремя пальцами, и привожу их в движение. Девушка тяжело дышит и дрожит как лист на ветру, и я понимаю, что она вот-вот кончит. Мысленно досчитав до пяти, резко отрываюсь от груди Дианы, чуть ли не впиваюсь в её губы, и как только наши языки переплетаются, девушку сотрясает мощный оргазм, она резко откидывает голову назад, и громко выкрикивает моё имя.

ДИАНА

— Что ты со мной сделал? — едва различимо бормочу я, не узнавая свой собственный голос. Йен молчит, но по его озорной улыбке понимаю, что этот гад доволен собой. У меня же даже злиться на него не получается. Я ведь когда звала его к озеру, ни на что не намекала, и просто хотела искупаться. Но Йен неправильно всё растолковал, и сделал свои далеко идущие

выводы. Когда он подошёл ко мне сзади, и внезапно начал лапать, я растерялась. Такого от Макриди я совсем не ожидала. И ведь могла его лягнуть по больному колену, оттолкнуть или попросить остановиться, но ничего из этого сделать так и не решилась. А вскоре и вовсе расхотела, потеряв способность мыслить здраво. Настолько хорошо мне не было даже прошлой ночью, когда я испытала первый в жизни оргазм. А ведь после «тесного общения» с Питом я начала считать себя фригидной сукой, для которой секс что-то среднее между наказанием за какие-то страшные прегрешения и унылой рутинной.

С Йеном всё было иначе. Этот парень сделал всё возможное, чтобы удовольствие, в первую очередь, получила я, и у него это получилось. Настолько всё было потрясно, что у меня дыхание перехватило, и от нехватки кислорода я чуть сознание не потеряла. Но оно того стоило. Пока лежу на боку, и восстанавливаю дыхание, замечаю у Йена в штанах характерный бугорок. Похоже Макриди и сам успел возбуждаться, пускай и не так сильно, как я. Стояк наверняка будет мешать ему управлять вертолётom, и в благодарность за то, что он сделал, я просто обязана... Хотя кого я пытаюсь обмануть? Обязанность и благодарность тут совсем не при чём. Я просто хочу снова ощутить его член внутри себя. Очень хочу, и ничего не могу с этим поделать.

Глаза Йена расширяются, когда я засовываю руку ему в штаны, и крепко сжимаю его член. Удивления в его взгляде я не замечаю, и мысленно про себя называю манипулятором. Знал ведь, либо догадывался, что я захочу продолжения, и не прогадал. Быстро меняюсь с ним местами, и как только он усаживается на пол, опускаюсь на колени, и спускаю с парня штаны. Член его хоть и подрос, но по-прежнему мягкий, и с этим срочно надо что-то делать. Я даже знаю что именно.

Наклонившись, пристраиваю член Йена между своих грудей. Крепко сжав свои чашечки, наклоняю голову вперёд, и начинаю лизать выпирающую головку. Член слегка вздрагивает, и начинает крепчать. Желая ускорить этот процесс, принимаюсь водить грудью вверх-вниз, и работаю языком быстрее. Так сильно хочу, чтобы Йен как можно скорее трахнул меня, что больше не могу ни о чём думать. С трудом удерживаюсь от того, чтобы не начать просить его об этом вслух.

Моими стараниями дружок Йена становится крепок, словно осиновый кол. Поворачиваюсь к Макриди спиной, и резко опускаюсь своей дырочкой на стоящий член. Как только он полностью оказывается во мне, прикрываю глаза, откидываю голову назад, и начинаю неторопливо двигать тазом. До чего же мне в этот момент хорошо и приятно. А становится ещё приятнее, когда Йен касается моей груди, и начинает ласково её поглаживать. Прикусив нижнюю губу, начинаю двигаться ещё быстрее, и член случайно выскальзывает из моей дырочки. Хочу было ввести его обратно, но Йен не даёт мне этого сделать. Схватив меня за плечи, Макриди резко меняется со мной местами, но вместо того чтобы пристроиться сзади, укладывает меня на спину, и продолжает долбёжку уже в этой позе. Вздрагиваю с каждым резким толчком, и начинаю громко стонать. Такое ощущение, будто внутри меня всё кипит и плавиться, но это ни капельки не больно, а очень приятно. Йен резко ускоряется, и я понимаю, что осталось ему недолго. Успеваю обнять его ногами за талию, и покрепче прижать к себе. Парень делает финальный рывок, и его сперма быстро заполняет мою дырочку до краёв. Откинув голову назад, громко кричу. От наслаждения перехватывает дыхание, перед глазами всё плывёт, и я теряю сознание.

В себя прихожу уже в салоне вертолётa, полностью одетая, и накрытая курткой Йена, словно

одеялом. Не была бы абсолютно уверена в обратном, решила бы, что секс с Йеном мне просто приснился. Замечаю, что на сидение лежит револьвер, беру его в руки и вылезая из вертушки. Бегло осматриваюсь, и обнаруживаю, что нахожусь не в долине рядом с озером, а метрах в 200 от берега какого-то моря. Да уж, неслабо меня накрыло, раз даже шум летящего вертолётa не смог меня разбудить! Хотя, если хорошенько подумать, то ничего особого удивительного в этом нет. Я и во время нашего секса совсем потеряла голову, не могла ни о чём думать, и не замечала ничего вокруг. Окажись в тот момент поблизости троглодиты или какие-нибудь злобные уроды с пушками, я и их бы не заметила, не подойди они практически в упор. Меня будто под завязку какой-то наркотой накачали, причём эта наркота вызывала привыкание. Иначе как объяснить то, что я хочу всё это повторить снова?

Впрочем, на смену похотливым мыслям приходят мысли тревожные. Йен куда-то пропал, и я понятия не имела как долго он отсутствует. Вдвойне тревожнее становится от того, что этот заботливый дурачок ушёл с пустыми руками, оставив мне единственное наше оружие — револьвер. Куда он направился с пустыми руками? И почему меня не разбудил? Непонятно. Обхожу вертолёт по кругу, и замечаю на песке надпись: «Жди меня здесь. Скоро вернусь. Йен.»

Надпись эта мало что проясняет, но немного меня всё же успокаивает. По крайней мере Йен ушёл сам. Никто не утаскивал его силой. В том, что Макриди обязательно вернётся, я нисколько не сомневаюсь. Поэтому забираюсь обратно в вертолёт, и жду его возвращения. Ждать приходится минут сорок. Заметив на горизонте знакомую фигуру, медленно бредущую в мою сторону, вздыхаю с облегчением, и срываюсь с места. Подбежав к хромающему парню, заключаю его в крепкие объятия.

— Не пугай меня так больше, — бормочу с облегчением.

— Ещё даже не начинал, — отвечает Йен каким-то странным тоном.

У меня после этих слов появляется нехорошее предчувствие. Отстраняюсь, и замечаю, что Макриди смотрит на меня как-то странно. Будто сделал что-то нехорошее, и хочет в этом признаться, либо увидел что-то, что очень расстроило его, и скорее всего расстроит меня.

— Ты только не волнуйся, и не торопись делать выводы раньше времени, — говорит он отстранённым тоном. — Ты о чём?

Йен малодушно отводит взгляд, чем ещё больше пугает меня. Замечаю, что прогулка далась ему нелегко, и предлагаю сначала дойти до вертолётa и немного отдохнуть. Макриди устало кивает. Подставляю ему плечо, и помогаю дойти до вертушки. Парень забирается в кабину пилота, и тяжело вздыхает.

— Мне кажется я нашёл «Эгиду». Или то место, где она раньше была, — начинает Макриди издалека.

— Так ведь это же здорово! — радуюсь я, предвкушая скорую встречу с братом.

— Нет, не здорово. Военные разбили лагерь на берегу. Судя по тому, что я видел, скоро они его покинут. Потому что делать им там больше нечего.

— Почему?

— Потому что «Эгиды» нет.

— В смысле? Корабль ушёл?

— Не похоже.

Этими словами Макриди совсем сбивает меня с толку. Вместо того чтобы просто уточнить, накидываю в уме другие варианты, и прихожу к тому же выводу, к которому скорее всего

пришёл Йен.

— Они потопили «Эгиду», — говорю упавшим голосом.

— Возможно. Я не уверен.

— Что они тебе сказали?

— Ничего. Я с ними не разговаривал.

— Почему?

— Больно угрожающе они выглядели. Побоялся, что они пристрелят меня раньше, чем я успею сказать хоть слово.

Последнюю фразу Йен говорит как-то виновато, будто пытается оправдаться. Напрасно. Я хорошо его понимаю. Он поступил разумно, решив не рисковать. А я разумно вести себя не собираюсь. Срываюсь с места, и бегу в том направлении, откуда пришёл Макриди.

— Диана, подожди! — кричит он мне вслед, но я не обращаю внимания на его окрик.

Бегу по песчаному берегу, пока не замечаю вдалеке колонну военного транспорта. Похоже, армейцы собрали всё своё барахло, и собираются покинуть берег. Прибавляю ходу, и кричу, чтобы военные немного задержались, но меня никто не слышит. Машины приходят в движение, и армейцы покидают морской берег прежде, чем я успеваю узнать что с моим братом. Глядя вслед удаляющейся колонне, как подкошенная падаю на колени, и отрешённо смотрю перед собой. Не знаю как долго пялюсь в одну точку, но когда всё же выхожу из ступора, то походкой ожившего мертвеца бреду обратно к вертолёту. На полпути сталкиваюсь с Йеном, которым вместо того чтобы отдохнуть и восстанавливать силы зачем-то последовал за мной. Макриди начинает бормотать что-то обнадеживающее, и я ему за это благодарна. По-настоящему благодарна, хотя особо и не вслушиваюсь что он там говорит. Йен это замечает, берёт меня за подбородок, и поворачивает к себя лицом.

— Ты ведь меня совсем не слушала, не так ли? — зачем-то уточняет он.

Не вижу нужды врать, и просто коротко киваю.

— Хорошо, тогда я повторю. Я пока высматривал место где бы лучше посадить вертушку, заметил маяк. Он находится совсем недалеко, буквально в 2—3 километрах отсюда, — объясняет он.

— И что с того?

— Возможно там кто-нибудь обитает. И это кто-то может нам рассказать о военных, об «Эгиде», и о том, что здесь произошло.

Его слова звучат вполне разумно, и я даже немного успокаиваюсь.

— Даже если на этом маяке действительно кто-то живёт, с чего ты взял, что он что-то знает о произошедшем? А даже если и знает, зачем ему рассказывать об этом нам?

— Так давай прогуляемся до маяка, и выясним это. Хуже от этого нам точно не станет, а вот лучше стать может.

Йен говорит эти слова вполне уверенно, и его уверенность частично передаётся и мне. Рано я записала Лукаса в покойники. Слишком рано.

— Хорошо. Идём.

ФЭЙТ

Как только появляется желание облегчиться, выхожу на улицу, и иду за ближайший кустик. Пока справляю нужду, обдумываю последние события. Вернувшись с прогулки вместе со старым козлом, Хорнер сообщил, что армейцы потопили «Эгиду», но фанатикам каким-то образом удалось сбежать в полном составе. Как они это провернули он не уточняет, да мне и

не особо интересно. Лезть на это ржавое корыто мне не сильно то и хотелось, так что оно и к лучшему. Казалось бы, надо радоваться, но не тут то было. Хорнер ходил из с кислой физиономией, будто его полный половник дерьма сожрать заставили, а потом с разбегу в задницу член загнали. Не понимала я чем он так расстроен. Ну сбежали фанатики, и спиногрызов с собой прихватили, и что с того? Да и хрен с ними! Нам достаточно и тех щенков, что нашлись в пещере.

Кстати о них. Когда старый козёл поднял вопрос о том, куда девать уже спасённых спиногрызов, армейская собачонка не смогла дать на него внятный ответ. Видимо и сама не знала куда их пристроить. У меня на этот счёт было несколько предложений, но озвучивать их я не стала, потому как понимала, что Хорнер так не поступит. Слишком уж он мягкий и сердобольный. Так что вопрос о судьбе спиногрызов так и остался открытым.

Сделав своё дело, надеваю штаны, и замечаю, что к маяку со стороны пляжа бредёт какая-то унылая парочка. Напрягаю зрение, и охреневаю. Да ведь это же хромоножка с кобылой! Откуда они здесь взялись? Я-то думала, что их уже черви где-то дожирают! А они, оказывается, всё ещё дышат, и прекращать этим заниматься явно не собираются. Походу правы были те, кто говорил, что убогим везёт гораздо чаще, чем нормальным.

Унылая парочка внезапно останавливается, и ошарашенно смотрит на меня. Видимо узнали. Лошадь тут же ускоряется, перейдя почти на бег, а хромоножка неуклюже ковыляет за ней.

— Фэйт? Что ты здесь делаешь? — спрашивает она меня.

— Цветочки поливаю, — отвечаю я, и указываю мокрый кустик.

— А где Дилан? С ним всё в порядке?

— Там он, — киваю в сторону маяка.

Кобыла теряет интерес к разговору, подходит к зданию, открывает дверь, и замирает.

— Диана! — неожиданно кричит один из спиногрызов.

Лошадь выходит из ступора, и бросается к мелкому говнюку. Крепко его обняв, кобыла чуть не плача начинает бормотать всякую сентиментальную унылую хрень, не замечая никого и ничего вокруг. В этот момент она выглядит настолько счастливой, что мне так и хочется заехать ей с ноги по морде. Подходит улыбающийся хромоножка, и кладёт руку мне на плечо. Я тут же скидываю её, и презрительно фыркаю, но радостного Макриди это не особо расстраивает.

— Вы всё-таки их вытащили, — говорит он, с дурацкой улыбкой глядя на лошадь и её жеребёнка.

— Да, вытащили, и это было очень непросто. Так что за вами нехилый такой должок, — ворчу я, не став уточнять, что на самом деле спиногрызов мы нашли совершенно случайно.

— Не слушай её. Это она так шутит. Ничего вы нам не должны, — вмешивается в наш разговор собачонка.

Закатываю глаза, и отхожу в сторону. С одной стороны, встреча с этой ущербной парочкой — это хорошо. На них можно перекинуть заботу не только об одном, но и обо всех остальных спиногрызах. Пусть делают с ними что хотят, а мы пойдём своей дорогой, и эта дорога ведёт напрямиком к «Золотому Вулкану».

Но когда собачонка начинает допытываться куда убогие пропали, и почему перестали выходить на связь, интуитивно чувствую, что поход в казино вновь будет отложен на неопределённый срок. И к сожалению, оказываюсь права. Пока лошадь о чём-то лопочет со своим братцем, хромоножка рассказывает, что на заставе их захватили головорезы из

«Альянса Неволи», и отвезли на ближайший аванпост — в тюрьму, ранее принадлежавшую «Братству Судного Дня». Переглядываюсь с армейской собачонкой. Мы уже успели разок побывать в этой дыре. Запоминающаяся тогда получилась заварушка, жарковатая. Я слышала, что армейцы вышвырнули оттуда фанатиков, но понятия не имела, что там обосновались работорговцы. До этого момента это особого значения не имело.

Про то, как им там жилось, хромоножка умалчивает, и правильно делает. уточнить кто такие наши гости и что здесь забыли. Такое чувство, будто ему на это насрать. Как бы то ни было, Макриди пропускает скучную часть, и переходит к главному. Им удалось освободиться, угнать у работорговцев вертолёт, и даже грохнуть главного тюремного ублюдка. Только я начала было думать, что хромоножка — не такой уж бесхребетный кусок дерьма, как мне показалось вначале, он продолжил болтать и снова всё испортил. Упомянув про то, что в тюрьме осталось ещё много пленников, в число которых входят и мамыши спасённых спиногрызов, Макриди предложил вернуться, и всех освободить.

Услышав подобное предложение, я немного охренела. Старый козёл, судя по физиономии — тоже.

— Сколько там охраны? — уточнил он, наконец-то заговорив после долгого молчания.

— Точное число назвать не могу. Около полусотни бойцов. Плюс стрелки на вышках, — ответила кобыла вместо хромоножки.

Закончив возиться со своим братцем, она тоже решила поучаствовать в обсуждении, хотя её никто и не звал.

— Вся охрана хорошо вооружена, и вряд ли будет с нами церемониться, — зачем-то добавила она.

— Так что вариант с открытым нападением можно отмести сразу. Ничего хорошего из этого не выйдет, — подытоживает хромоножка.

Смотрю на этого придурка как на слабоумного. Вот что ты несёшь, идиот? Какое нахрен открытое нападение? Из тебя боец как из ссанины шампунь! И вообще, что это за бред собачий, и почему мы это обсуждаем на полном серьёзе? Нормальная у нас тут подобралась компания: выводок щенков, хромоножка, кобыла, старый козёл, армейская псина, и я — единственный нормальный человек в этом ублюдском зоопарке. Надеюсь было, что Хорнер откажется участвовать в этом идиотизме, но заметив в его взгляде заинтересованность, понимаю, что уже поздно. Настроение стремительно портится, а желание выслушивать этот бред полностью пропадает.

— Куда ты? — интересуется Хорнер, когда я поднимаюсь и иду к двери.

— Прогуляться, — отвечаю не оборачиваясь, и выхожу на улицу.

Бреду на берег, и сажусь на песок. Глядя на воду, жалею о том, что так быстро слиняла с маяка. Надо было прихватить с собой бутылку с каким-нибудь пойлом, чтобы грустить было не так скучно. А повод грустить у меня есть. Не знаю сколько времени эти кретины собираются обсуждать дальнейшие планы, но результат будет один. Не уверена насчёт старого козла. От то уж точно всё это в гробу видал, и ничем не обязан ни мне с Хорнером, ни уж тем более кобыле с хромоножкой. А вот мне в этом дерьме обязательно придётся участвовать. Иначе и быть не может.

Я хоть и называю Дилана псиной, но по сути псина здесь именно я. Приятно было тешить себя иллюзиями, будто это Хорнер нуждается во мне, а не наоборот. Если что-то плохое случится со мной, он это как-нибудь переживёт. Может немного расстроится, а может и нет, и

просто пойдёт дальше. Но если вдруг что-то паршивое случится с ним, я не знаю что буду делать дальше, и ненавижу за это нас обоих. Я завишу от этой скотины намного больше, чем от красного порошка. Понятия не имею как это исправить, и даже не уверена в том, что хочу что-то менять. Твою же грёбаную мать! Ну и где же дурь или хотя бы бухло, когда они так нужны? Когда ты под веществами, и жизнь кажется лучше, и ответы на сложные вопросы находятся намного проще!

Проходит чуть больше часа, и собачонка всё же решает меня проведать. Придя на берег, Хорнер молча садится рядом, и тяжело вздыхает.

— Всё ещё дуешься? — спрашивает он после внушительной паузы.

— Да иди ты, — отвечаю равнодушным тоном.

— Пойду. И ты пойдёшь со мной.

Хочу было возразить, но понимаю, что это прозвучит как детский лепет, предпочитаю промолчать, и лишний раз не позориться перед собачонкой. Всё равно ведь этот козёл не поверит. Слишком уж он хорошо меня знает.

— Не волнуйся, я не забыл про «Золотой Вулкан». Мы туда обязательно наведаемся. Это я тебе обещаю, — заверяет меня Дилан.

— Так почему бы не наведаться туда прямо сейчас? — открыто спрашиваю я.

— Потому что так дела не делаются. Раз уж взялся за работу, будь добр довести её до конца.

— Это не работа, а сраная благотворительность. Потому что конкретно нам за это ничего не перепадёт.

Хорнер улыбается.

— Вот тут ты не права. Конкретно тебе кое-что обязательно перепадёт. Так перепадёт, что как бы тебе потом одно место зашивать не пришлось. А может быть даже и не одно. В любом случае, ты запомнишь это надолго.

— Ты имеешь в виду...

— Пока ещё не имею, но обязательно отымею. Так жёстко и грубо, что всё что было между нами раньше покажется тебе расслабляющим массажем.

Улыбаюсь в ответ. Услышанное неслабо так вдохновляет, и я кладу руку на пах Дилана.

— Как насчёт небольшого аванса? — интересуюсь я, медленно поглаживая хорнеровского дружка.

— Никак. Оплата только после завершения работы, и при условии, что в процессе ты не сдохнешь, — отвечает он, беря меня за запястье, и убирая мою руку со своей промежности.

Не сдохну. Точно не сдохну. Даже если мне на голову начнут падать бомбы, всё равно выживу. Как и ты. Никуда ты, псина, от меня не денешься! Как и я от тебя.

— Ну и каков план действия? Вы же не просто так там сидели, и должны были что-то придумать, — меняю тему, отодвигая мысли о жёстком перепихоне на задний план.

— Тебе какую версию рассказать: длинную или короткую? — уточняет Хорнер.

— Максимально короткую. Просто скажи что мы будем делать с засранцами из «Альянса». Детали можно обсудить и потом.

Дилан недобро щурится, и говорит всего три слова. Три грёбанных слова, от которых я совсем уж таю, и разве что не теку как распоследняя потаскуха, принявшая возбудитель. О да, моя собачонка! Я тебя просто обожаю!

— Убьём их всех, — сказал мне Хорнер с недобрым огоньком в глазах.